

СТАТЬИ

В. Г. ЛАЗАРЕНКО
V. G. LAZARENKO

СЕМАНТИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ СЕТКИ (РЕШЕТКИ) НА ГРАФФИТИ, НАЙДЕННЫХ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

SEMANTICS OF GRID IMAGES ON GRAFFITI FOUND DURING THE STUDY OF ANCIENT MONUMENTS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

Миф всегда был для греков воплощением
высшей реальности, начиная с гомеровских времен
и кончая последними веками античности
[А. А. Тахо-Годи, 1999, с. 563].

Граффити, изображающие сетки (решетки) давно и регулярно обнаруживаются при исследованиях значительного круга античных памятников Северного Причерноморья – от Ольвии до Азиатского Боспора. Однако, как авторы этих находок, так и специалисты, включающие их в свои публикации, как правило, либо оставляют подобные изображения без каких-либо комментариев (тем более, семантических), либо предполагают их магическое предназначение, не вникая в детали. Правда, иногда допускается, что сосуды с подобными граффити «могли использоваться для неких ритуальных целей» (Емец, 2005, с. 141). А. С. Намойлик, в отличие от других авторов, которые рассматривают в качестве таких знаков лишь решетки, считает, что к апотропеическим знакам относятся и «различные комбинации из пересекающихся прямых, которые могли иметь вид бессистемных перекрестий» [Намойлик, 2018, Т. 1, с. 131]. Некоторые исследователи даже избегают термина «сетки» или «решетки», говоря лишь о тех или иных линиях, пересеченных (или соединенных) другими линиями [напр. Русяева, 2010, с. 124-125 № 81, табл. 45, 7; Русяева и др., 2021, с. 97, № 25, рис. 3, 25].

Между тем, привлечение к исследованию таких граффити данных сравнительной мифологии и лингвистики может способствовать расширению наших знаний о духовном мире Северного Причерноморья античного времени, в том числе – в контексте возможного взаимовлияния сакральных представлений греков-колонистов и местного населения.

Знак решетки или сетки существовал еще до возникновения земледелия, перейдя затем в неолит и последующие эпохи [Голан, 1993, с. 88]. Например, при исследова-

нии верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи¹ открыты многочисленные (!) пластины из кости с выгравированными на них сложными изображениями, в т. ч. больших сеток, имеющих правильные ячейки разной формы (рис. 1). Примечательно, что эти находки сопровождали сделанную из кости женскую статуэтку (рис. 2) [Ефименко, 1953, с. 527, рис. 260 и 261]. Все они были извлечены из ямы в конструкции из черепов мамонта² 1935 г. (№ 7), и датируются по данным радиоуглеродного анализа 13905 ± 55 лет тому назад [Хлопачев и др., 2017]. П. П. Ефименко полагал, что скульптурки женщин в верхнем палеолите представляли собой «образ женщины-родоначальницы, женщины – хранительницы домашнего очага и вместе с тем... хозяйки и покровительницы окружающей природы (например, мать и хозяйка зверей)» [Ефименко, 1953, с. 403]. При этом исследователь указал, что в мадленское время³ (к которому относится и стоянка Елисеевичи), «могла быть уже изобретена сеть, сплетенная из волос, сухожилий или волокон некоторых растений (крапивы)» [Ефименко, 1953, с. 515]. А значение изображения сетки прекрасно сформулировал А. Голан: «Решетчатый знак, приобрел значение символа некой магической силы. Этой магической силой была богиня, образ которой запечатлен еще в палеолитической скульптуре. Она, будучи богиней природы, матерью и хозяйкой зверей, допускала или не допускала, чтобы охота была успешной» [Голан, 1993, с. 89].

Особое развитие культ Богини получил в неолите, с появлением земледелия. Это не случайно – например, Б. А. Рыбаков, рассуждая о сущности мировоззрения древних земледельцев, подчеркивает, что женщина и земля были сопоставлены и уравнены на основе древней идеи плодovitости, плодородия [Рыбаков, 2014, с. 186]. Одним из приобретений неолита было искусство прядения и изготовление тканей. Об этом свидетельствуют, в частности находки остатков вертикальных ткацких станков во всех культурных группах неолита Балкан, в т. ч. в культуре Винча. Последнее мы выделили особо, потому что с началом именно этой культуры произошли существенные изменения, ярче всего выразившиеся в керамическом искусстве. И значительное место в нём заняли скульптурные изображения Богини невиданного прежде облика, которые обнаружены в значительном количестве (чего не было ранее) при раскопках памятников культуры Винча [Гимбутас, 2006, с. 72, 73, 77, 79-82, рис. 3-12, 3-13, 3-19, 3-20, 3-21, 3-22]. Что касается ткачества, то, поскольку изготавливали пряжу и ткани женщины, эти занятия ассоциировались с Богиней. Великолепным свидетельством этого является полноценное двухэтажное святилище (приблизительно 5000 г. до н. э), найденное и раскопанное в Радинграде в окрестностях Разграда (Северно-Восточная Болгария). На его верхнем уровне располагались алтарь, а ря-

¹ Елисеевичи 1 – стоянка эпохи верхнего палеолита, открытая в 1930 г. на правом берегу р. Судость (правый приток р. Десны) у с. Елисеевичи Брянской области.

² Конструкция из черепов указывает на культовое назначение данного объекта.

³ Мадленское время – период 15-10 тыс. лет до н. э., названный в честь типового объекта «Ла Мадлен», каменного убежища на площади Плазак в Дордони (Франция).

дом с ним – ткацкий станок, что указывает на сакральный смысл самого ткачества [Гимбутас, 2006, с. 281]. Как отметил А. Голан, женские статуэтки времен палеолита и неолита дают основание полагать, что «в те эпохи женское божество считалось главенствующим в пантеоне» [Голан, 1993, с. 167, 171]. Другими словами, речь идет о Великой богине. Функции её были разнообразны, в т. ч. она представлялась не только богиней возрождения, но и как Богиня-смерь [Гимбутас, 2006, с. 260-267]. При археологическом исследовании памятников культуры Винча изображения решетки (реже – сетки) встречались достаточно часто, причем как на небольших круглых предметах, имеющих явное ритуальное назначение, так и на бесформенных фрагментах керамики [Деретић, Антић, 2014, с. 26 рис. 3; с. 32 рис. 7, 10, 12, 22; с. 38 рис. 13, 31-35; с. 66 рис. 28]. Примечательно, что данные изображения включены в число знаков, являющихся протописьменностью, причем, как считают некоторые исследователи, более древней, чем шумерская [Peshich, 2008 p. 70-71].

Поскольку мы рассматриваем граффити, найденные в Северном Причерноморье, напомним, что именно здесь имели место главные события формирования и разделения индоевропейской языковой общности, происходившие в течение IV–III тысячелетий до н.э. на огромной территории, от Балкано-Карпатского региона до причерноморско-прикаспийских степей. Только представляя эти процессы можно понять мировоззренческую, в т. ч. – знаковую, преемственность неолитических культур Балкан и последующих по времени культур Северного Причерноморья. Культура Лепенски Вир (9400-8200 лет назад) может считаться исходным регионом миграций будущих ариев, в частности, в связи с тем, что в неолитическое время у насельников этой культуры появляется новая традиция захоронения умерших – скорченно на боку⁴. Кроме того, есть основания полагать, что люди Лепенского Вира и Винчи были носителями гаплогруппы R1a. Дело в том, что графические изображения, символы этих древних культур сопровождают все дальнейшие миграции ариев, имеющих эту же гаплогруппу [Klyosov, Mironova, 2013]. Широких исследований ДНК-генеалогии ранних индоевропейцев пока не проводилось, тем не менее, имеющиеся данные показывают, что около 5000 лет назад в Северное Причерноморье со стороны Балкан и Дуная проникают племена носителей гаплогруппы R1a – главного генетического маркера ранних индоевропейцев [Klyosov, Tomezzoli, 2013; Клёсов, 2016]. В любом случае, хронологически первыми в процессе формирования индоевропейской языковой общности оказываются балканские племена [Klyosov, Rozhanskii, 2012].

Сейчас твердо установлено, что основными генетическими компонентами культуры Прекукутени-Триполья А были дунайские культуры линейно-ленточной керамики и Боян при некоторых элементах культур Криш, Хаманджии, Винчи» [Бурдо, 2003, с. 14-15]. Очень важно в связи с этим заключение О. Н. Трубачева: «Сюда,

⁴ Лепенски Вир – культура, включающая в себя не менее 20 поселений по обоим берегам Дуная в Сербии и Румынии на протяжении 150 км. Захоронение в скорченном положении, характерно для носителей гаплогруппы R1a [Haak et al, 2008].

в Среднее Поднепровье, тянулись через Ю. Буг из восточной части Балканского полуострова очень древние связи, о стабильности которых свидетельствуют явные следы в местной гидронимии. Эти восточно-балканские-южнобугские-среднеднепровские связи в гидронимии нетрудно поставить в связь с ареалом трипольской культуры в археологии, который, как известно, тоже простирался от Среднего Поднепровья на Балканы» [Трубачев, 2009, с. 686]. Безусловно, в отношении Трипольской культуры Балканы выступают как сторона, у которой заимствуют [Топоров, 1972, с. 24]. Другими словами, культура Кукутени-Триполья (примерно с 5400 по 2700 гг. до н. э.) – археологическая общность (область) энеолита на территории современных Румынии, Молдавии и Украины, является наследницей более ранних балкано-дунайских земледельческих культур. В итоге изучения мировоззренческого значения орнамента трипольской керамики Б. А. Рыбаков давно и убедительно продемонстрировал неразрывную связь плетения, представленного сложными спиральными клубками (В. Л. – что вполне можно отнести также к процессу ткачества), и образа Великой матери, а также их космический масштаб. Об этом говорят следующие заключения исследователя: «На трипольских широких сосудах спиральный обтекающий узор занимает самое видное срединное положение, составляя основу всей орнаментальной композиции (рис. 3)... Главной идеей энеолитического спирально-солнечного орнамента с его ритмичным многократным повторением бега нескольких солнц, с его мастерским показом непрерывности этого бега, я считаю идею времени. Вторым способом рисования “спирали времени” является изображение змей, изгибающихся точно так же, как и спиральные ленты», а также: «Из элементов-идеограмм, при посредстве которых изображали Вселенную, образуется лик божества. Меняется, точнее, обогащается и заполнение среднего пояса: кроме стандартных спиралей и солярных знаков появляются змеиные спирали, фигуры людей, что знаменует “рождение богов”... небо, и воздушное пространство вытеснено гигантскими ликами, как бы поднимающимися из земли... Это божество несомненно женского рода, так как солярные знаки в ряде случаев имеют форму рельефно обозначенной женской груди» (рис. 4) [Рыбаков, 1965 №1, с. 42-44; 1965 № 2, с. 18-19].

Именно в Северном Причерноморье лингвисты полагают соседство греческого и арийского языков к началу II тысячелетия до н. э. Это было не просто соседство, а родство, поскольку в этих языках имелись значительное сходство грамматического строя и обширная общая лексика; особенно многочисленны одинаковые выражения в терминологии земледелия [Порциг, 2003, с.234, 238; Шрадер, 2003, с. 189]. Это время катакомбной культурно-исторической общности (ККИО), существовавшей в период 2500–1950 гг. до н. э. в причерноморских степях после исчезновения Трипольской культуры. Катакомбная культура является, относительно изобразительной символики, в определенной степени наследницей культуры Винча. Доводом в пользу этого служит сопоставление выявленных катакомбных знаков с доиероглифическим письмом Двуречья, которое показало, что совпадают всего лишь немногим больше 1% знаков. С другой стороны, гораздо больше совпадений у катакомбных знаков-символов со знаковой системой культуры Винча – 18% [Пустовалов, 1996, с. 45-46]. В т. ч., это знаки

решетки, который мы видим на стенках и доньях керамических сосудов майкопской культуры⁵ [Кореневский, 2004, рис. 14, 25; 2013, с. 67-68, рис. 2, 21, 29; 3, 2]. Кроме того, появляется орнамент в виде больших сеток на тулове и доньях сосудов данной культуры (рис. 5) [Кореневский, 2004, рис. 16, 7; 58, 2; 72, 2; 112, 11]. Характерно, что для майкопской культуры поза погребенных однозначна – скорчено на боку [Кореневский, с. 19], что, как мы помним, может указывать на носителей гаплогруппы R1a, ранних индоевропейцев. В Крыму знак сетки встречается на росписях каменных ящиков погребений (кстати, также в скорченном положении на боку), обнаруженных в им. Черкес и Пионерском-95 (2,2), расположенных в предгорном районе недалеко от Симферополя и относящихся к Кемь-обинской культуре⁶, при этом сетки покрывают всю плиту [Тощев, 2007, рис. 35, 2, 10; 36, 1]. Очень интересны другие находки в Крыму: на поселении начала средней бронзы Планерское I обломка молоточковидной булавки с изображением сетки (рис. 6), а также глиняного кубика, на одной из сторон которого изображена сетка, в катакомбном погребении к.5 п. 10 курганной группы «Рясные могилы» у с. Балки в Белогорском районе [Тощев, 2007, с. 110, рис. 21, 22; рис. 38, 1].

Знак сетки (решетки) присутствовал и на керамике следующего за ККИО феномена – срубной культурно-исторической общности (XVIII-XII вв. до н. э., по другим оценкам – XVI-XII вв. до н. э.)⁸. Например, знак решетки мы видим на глиняных сосудах, найденных на поселениях лесостепной срубной культуры (Мосоловское и I Сусканское), на лесостепном могильнике в окрестностях Богучара, в степных могильниках (Ровное к. 15 п. 1; Политотдельское к. 12 п. 9), а также на степном поселении Чесноково-1 [Захарова, 2000, с. 103 рис. 4, 5; с. 105 рис. 6, 2 и 9; с. 107, рис. 8, 9; с. 121 рис. 22, 6; с. 122 рис. 23, 4 и 7; с. 129 рис. 28, 5]. Изображение решетки в срубное время было достаточно распространенным. Так, по результатам одного из специальных исследований, из 308 сосудов со знаками⁹ 57 (т. е. 18,5%) имеют изображе-

⁵ Майкопская культура (майкопско-новосвободненская общность, майкопско-новосвободненская культура) – археологическая культура, распространённая в предгорьях Северного Кавказа в раннем бронзовом веке. Названа по Большому Майкопскому кургану, исследованному в 1897 г. Н. И. Веселовским. Основная территория распространения – равнины и предгорья Предкавказья от Таманского полуострова до Чечни.

⁶ Кемь-обинская культура – археологическая культура раннего бронзового века, существовавшая на территории Нижнего Приазовья, Нижнего Поднепровья и Крыма в III тысячелетии до н. э.

⁷ Поселение Планерское I расположено на небольшом возвышении, у подножья Кара-Дага, который ограничивает долину с юга.

⁸ По данным ДНК-генеалогии, памятники срубной культуры (середина II тыс. до н. э.), поскольку там обнаружена ископаемая гаплогруппа R1a, – это памятники «хвоста» миграции ариев, предки которых к тому времени уже 1000–500 лет как ушли из Северного Причерноморья на юг, юго-восток и восток [Клёсов, 2016, с. 149-150].

⁹ В это число исследовательница включила 205 сосудов со знаками, происходящих с 79 памятников (поселений и могильников) срубных культур лесостепи, а также 103 сосуда со знаками с 74 памятников (в подавляющем большинстве – курганных могильников) степной зоны распространения срубной общности [Захарова, 2000, с. 44, 52].

ние решетки (В. Л. – термин наш, автор исследования почему-то использует термин «рамка») [Захарова, 2000, с.142 рис. 40]. Исследовательница не включила в это число изображения беспорядочной сетки, хотя сосуд с таким знаком найден, например, на Мосоловском поселении донской лесостепной срубной культуры [Захарова, 2000, с.107 рис. 8, 8].

Вернемся к распаду индоевропейской языковой общности в Северном Причерноморье на рубеже III–II тысячелетий до н. э. и началу больших миграций. Перемещение прагреков и близких к ним генетически и ареально племен открывает путь хеттам, которые по Причерноморским степям и Кавказу, через Дербентский проход Прикаспия (около 1900 г. до н.э.) продвигаются в центральные районы Анатолии. После чего по всему Северному Причерноморью распространяются, вероятно, уже разделившиеся арии [Гиндин, 1992, с. 57-58, 60]. Последнее будет иметь значение при констатации наличия реликтовых ариев в период колонизации греками Северного Причерноморья (см. ниже).

Впервые мы видим письменное сообщение о Богинях-пряхах в одном фрагменте хеттского ритуального текста¹⁰ (KUB XXIX, 1¹¹, I, 39-48): «Загляни в зеленую рощу и (посмотри), кто находится там... Я заглянул. Истустая и Папаия, древние богини Нижнего (мира)... стоят на коленях... Одна держит прялку, (и обе) держат полные веретена. И они прядут годы царя. И годам (царя) не ни конца, ни счета» – перевод В. Г. Ардзинба [Ардзинба, 1982, с. 88]. Следует согласиться с выводом В. П. Горана, что «образ богинь судьбы – Прях – отражает у хеттов прежде всего силы плодородия, жизни» [Горан, 1990, с. 66], то есть они представляют собой ипостась Богини-матери (Великой богини)¹². Г. О. фон Хеннинг, изучая символизм хеттских орнаментов, установил, что еще до их прихода знак двух переплетенных змей в Эламе был «символом магического представления материального или трансцендентного порождения и, таким образом, является ли это символом вечной жизни», но «с появлением хеттов переплетающийся мотив внезапно занимает ведущее место в качестве орнамента и должен рассматриваться как характеристика всего искусства». Исследователь обозначил этот мотив как «хеттское переплетение» и показал его неразрывную связь с изображениями (на хеттских печатях-цилиндрах со второй половины II тысячелетия до н. э.) маленькой обнаженной богини, считая, что «это не что иное, как

¹⁰ Архив из более, чем 25 тысяч клинописных текстов на глиняных табличках из Богазкёя (древней столицы Хеттского царства Хаттусы) является единственным из сохранившихся памятником документального наследия хеттской цивилизации, существовавшей на Среднем Востоке во II тысячелетии до н.э.

¹¹ KUB XXIX, 1 – Ehelhof H. Keilschrifturkunden aus Boğhazköi. Heft XXIX. Texte verschiedenen Inhalts.

¹² Во II тыс. в результате религиозной политики хеттских правителей малоазийская Великая богиня – Кубаба включается в пантеон хеттов как одна из богинь, завоеванных хеттами. Любопытна происшедшая затем контаминация образа этой древней сирийской богини с главной богиней хеттов – хаттской по происхождению Вурунсему.

олицетворение плодородия» [Henning, 1926, p. 408-409, 413-415]. Фон Хеннинг не использует здесь определение «Великая богиня», но смысл этого ясен.

Р. В. Кинжалов предложил обозначать переплетающийся мотив орнамента греческим словом «плексис» (плетение, сплетение, ткань), привел наиболее часто встречающиеся формы: двойной переплетающийся жгут или шнур, две спирали или два клубка, соединенные между собой нитью, и моток нитей, переплетенных в определенном сложном порядке, подчеркнув, что особенно часто плексис встречается в искусстве хеттов и минойского Крита [Кинжалов, 1990]. О высшем положении женского божества, как известно, свидетельствует искусство древнего Крита. Не исключено, что микенцы заимствовали у хеттов образ богинь судьбы как Прях, и для этого имела почва в собственной культурной традиции микенцев, содержащей близкие представления. Традиции связывать эти представления с образами прядения и нити применительно к хеттской и микенской традициям обусловлен принадлежностью их носителей к индоевропейским народам и географической близостью, обусловившей их контакты и взаимовлияние [Горан, 1990, с. 74-75]. Греческая мифология связывает древний образ Пряхи с крито-микенским прошлым, поскольку Ариадна как раз на Крите спасла жизнь Тесею в Лабиринте именно с помощью нити (Псевдо-Аполлотор Э I, 8-9), да и сам Лабиринт – не что иное, как запутанная нить, определяющая сроки жизни и смерти. Гомер, повествуя (II. XVIII, 590-602): «Гефест знаменитый извил хоровод разнovidный, / Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе / Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой», говорит, по сути, о Лабиринте. Далее же он в некоторой степени сравнивает танцы в гефестовом творении с процессом ткачества: «Пляшут они, и ногами искусными то закружатся... / То разовьются и пляшут рядами, одни за другими» (пер. Н. И. Гнедича).

Диодор Сицилийский (V, 76, 3-4) сообщает: «Бритомартида, прозванная Диктинной, как гласит миф, родилась в Кено на Крите и была дочерью Зевса и Кармы, дочери Эвбула, рожденного Деметрой. Изобретя используемые на охоте сети (δίκτυα), она получила прозвище Диктинны и проводила время с Артемидой, почему и считают, будто Диктинна и есть Артемида. Эту богиню критяне почитают жертвоприношениями и сооружают в ее честь храмы. Те же, кто считает, будто Диктинной она названа потому, что спряталась в рыболовных сетях, спасаясь от объятий Миноса, грешат против истины¹³. Ведь невозможно поверить, что богиня оказалась настолько бессильна, что прибегла к помощи людей, будучи дочерью величайшего из богов» (пер. О. П. Цыбенко). В самом деле, Диктинна просто обязана быть могущественной богиней, ведь, как мы видим из приведенного мифа, Диктинна не только дочь Зевса, но по матери еще и внучка Деметры. Так что, отождествление её с Артемидой вполне адекватно по значимости родословной. Прообразом Афины и Артемиды была неолитическая богиня, микенская Ма-Дивиа, которая мыслилась Матерью мира [Голан, 1993, с. 170]. Письменные данные указывают на то, что Великая богиня (или

¹³ Имеется ввиду рассказ Павсания (II 30, 3).

Великая Матерь, Mater Magna), как именуется она в дошедших до нас текстах греков и римлян, считалась главным божеством [Голан, 1993, с. 167].

В греческой литературе первое сообщение о богинях-пряках принадлежит Гомеру (Od. XIII, 95-112). Поэт достаточно подробно рассказывает, где на берегу залива «старца морского Форкина» в «земле итакийской» находится «пещера прелестная, полная мрака. / В ней – святилище нимф; наядами их называют. / ... Много и каменных длинных станков, на которых наяды / Ткут одеянья прекрасные цвета морского пурпура. / Вечно журчит там вода ключевая. В пещере два входа: / Людям один только вход, обращенный на север, доступен. / Вход, обращенный на юг, – для бессмертных богов. И дорогой / этою люди не ходят, она для богов лишь открыта» (пер. В. В. Вересаева). Для Гомера, очевидно, этот залив и пещера нимф имела особое значение, поскольку он еще раз упоминает о них (Od. XIII, 344-348), почти копируя начало приведенного выше фрагмента: «Дай же тебе покажу я Итаку, чтоб ты убедился. / Это вот старца морского Форкина¹⁴ залив пред тобою. / Там, где кончается он, длиннолистую видишь оливу? / Возле оливы – пещера прелестная, полная мрака. / Там святилище нимф; наядами их называют» (пер. В. В. Вересаева). Этот рассказ Гомера вызывал большой интерес еще в античное время. Квинтэссенцией этого интереса стал труд Порфирия «О пещере нимф», где он освещает символический смысл этого рассказа Гомера. Главы 5-9 этого труда толкуют пещеру в недрах земли как космос и средоточие мировых потенций, а в главах 13-14 указывается, что пурпурные ткани, которые ткут на каменных станках нимфы, – «сотканная из крови плоть», облекающая кости (камень) и приобщавшая душу к телесной смертной материи [Порфирий, 1999]. А. А. Тахо-Годи, анализируя труд Порфирия, приводит один из орфических гимнов (LI Abel), который описывает нимф – «потаенно живущих» дочерей Океана, населяющих «влажно-дорожные ущелья земли». Это хтонические существа, «радующиеся гротам и пещерам». Вместе с Паном нимфы «пляшут на горах», бродят по ним и «бросают камни» [Тахо-Годи, 1999, с. 567]. Последнее обстоятельство заставляет вспомнить миф о Девкалионе и Пирре, которые после всемирного потопа создали новых людей – соответственно, мужчин и женщин, бросая себе за спину камни (Овидий. Метаморфозы, I, 348–413). Поэтому не стоит расценивать «бросание камней» нимфами как простую забаву, может быть, это символизирует творение людей. И ничего странного в том, что станки у гомеровских нимф каменные. Камень в древ-

¹⁴ Упоминанием Форкина подчеркивается глубокая древность и особый статус всего связанного с данным заливом, в том числе – обсуждаемой пещеры нимф. Дело в том, что Форкий (Форкин) – морское хтоническое божество, бог бурного моря, бог чудес. Он сын Понта и Геи (Гесиод. Теогония 237), либо сын Урана и Геи (Первый Ватиканский мифограф III, 1, 2), либо сын Понта и Тефии (Орфика, фр. 117 Керн). Брат и супруг Кето – злобной богини пучины. Их дети: Горгоны и Грайи (Псевдо-Аполлодор. Мифологическая библиотека I, 2, 6; II, 4, 2; Пиндар. Пифийские песни XII, 13), столбавый дракон Ладон, сторожившего золотые яблоки Гесперид (Гесиод. Теогония 333-336). От союза Форкиса и Гекаты (или Ламии) родилась Скилла (Аполлоний Родосский. Аргонавтика IV, 818; Псевдо-Аполлодор. Мифологическая библиотека Э VII 20). Всё это – важнейшие персонажи доолимпийской мифологии.

негреческой культуре наделялся магической силой. И на каменном станке можно было ткать нити, сплетение которых символизировало жизнь и смерть. Нимфам, похоже, вообще было свойственно ткачество. Так, у Гомера в «Одиссее» есть фрагмент о Калипсо (V, 61-62), где говорится: «С золотым челноком обходила / Нимфа станок, и ткала, и голосом пела прекрасным» (пер. В.В. Вересаева). Нонна Панополитанский повествует (VI, 130-142) о том, как Деметра прячет Персефону в «пещере скалистой со столбами из камня, там жили соседние нимфы»¹⁵, и приводит туда Каллигенейю, «чадолюбивую няньку / С пряжей и всем, что потребно для рукоделья Паллады / Женскому роду в тяжелой и кропотливой работе» (пер. Ю. А. Голубца).

Однако наиболее древними Богинями-пряжами у греков были Мойры (от μοῖρα, букв. «часть», «доля», отсюда «участь», которую получает каждый при рождении) – богини судьбы. В олимпийской религии наиболее распространено суждение, что это три сестры. Первым сообщает о них Гесиод, приводя в своей «Теогонии» две версии их происхождения. Сначала он говорит, что они были дочерьми Эреба (Тьмы) и Никты (Ночи) и сёстрами Танатоса и Гипноса (ст. 217-222), хотя позже (ст. 901-906) уже о том, что они – дочери Зевса и Фемиды. Последнее поддерживает Псевдо-Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» (I, 3, 1), но есть также версия, что они дочери Кроноса (Эпименид, фр. 7 Якоби). Согласно орфикам (Орфика, фр. 126 Керн) и Платону (Государство X, 617c), Мойры – дочери Зевса и Ананке (см. ниже). В любом случае Мойры – очень древние богини. Характерны их имена: Клото (Κλωθώ, «Пряха») – прядущая (нить жизни); Лахесис или Лахеса (Λάχεσις, «Судьба», «дающая жребий») – определяющая судьбу; Атропос, также Атропа (Ἄτροπος, «Неотвратимая») или Айса – неумолимая, неотвратимая участь, т. е. смерть, которая уравнивается с «нитью, разорванной Мойрой» Атропос (Нонн. Деяния Диониса XII, 140-142). Н. П. Обнорский прекрасно резюмировал функции Мойр. Первая из них, в образе прядущей женщины, олицетворяет собой неуклонное и спокойное действие судьбы, вторая – её случайности, третья – неотвратимость её решений. Клото сплетает нить судьбы из всего, что попадёт ей в руки. Лахесис не глядя сплетает нити судеб разных людей между собой. А третья – Атропос, расстригает нити судьбы, таким образом, убивая их. В архаике этим именем обозначался высший закон природы, боги же являлись его исполнителями; наряду с выражением Διός αἵμα, «божественное предопределение», часто встречается выражение μοῖρα θέων. На основе этого возник отдельный от других божеств культ мойр. Рождение и смерть стоят под особым покровительством мойр. Они определяют срок жизни человека и момент его смерти и заботятся, чтобы он не прожил дольше положенного ему срока. Как дочери Ночи, мойры – сёстры и союзницы Эриний, которые считались не только силами мрака, но и неумолимыми духами мести и кары и отсюда – смерти. Представляясь как дочери Фемиды, мойры выступают богинями закономерности и порядка [Обнорский, 1896].

¹⁵ А. А. Тахо-Годи считает, что этот фрагмент следует перевести так: «Там был каменный станок, о котором заботились соседние нимфы» [Тахо-Годи, 1999, с. 572].

Но еще более впечатляюще выглядит версия, что Мойры – дочери Ананке (Орфика, фр.126 Керн; Платон. Государство X, 617с), почитаемой в орфических верованиях и являющейся, в свою очередь, дочерью Афродиты Урании (Orph. h. LV4). Само имя Ананке (Ἀνάγκη) означает «неизбежность, судьба, необходимость»), и ей поклонялись как божеству необходимости, неизбежности, персонификация рока, судьбы и предопределённости свыше (Orph. h. III, 13). У Нонна Панополитанского в «Деяниях Диониса» (II, 678) даются такие рекомендации Кадму, «Дабы судьбыны горькой тебе отныне избегнуть, / Участи, мойриной нити, что свита из пряжи Ананке, / Если только возможно нить Мойры смягчить». Ананке и Мойры предстают образами вселенского масштаба, а их веретено – Мировой осью. Об этом говорит, в частности, один фрагмент Платона (Государство X, 616с–617с), который, ввиду его особой значимости, приведем почти полностью: «Посреди этого столпа света свешивающиеся с неба концы связей: ведь этот свет – узел неба; как брус на кораблях, так он скрепляет небесный свод. На концах этих связей висит веретено Ананки, придающее всему вращательное движение... Вращается же это веретено на колесах Ананки. Сверху на каждом из кругов веретена восседает по Сирене; вращаясь вместе с ними, каждая из них издает только один звук, всегда той же высоты. Из всех звуков – а их восемь – получается стройное созвучие. Около сирен на равном от них расстоянии сидят, каждая на своем престоле, другие три существа – это Мойры... В лад с голосами сирен Лахесис воспекает прошлое, Клото – настоящее, Атропос – будущее. Время от времени Клото касается своей правой рукой наружного обода веретена, помогая его вращению, тогда как Атропос своей левой рукой делает то же самое с внутренними кругами, а Лахесис поочередно касается рукой того и другого» (пер. А. Н. Егунова).

Исследования в области сравнительного индоевропейского языкознания показали, что образ Великой богини как Богини-пряжи сложился, очевидно, еще в период индоевропейской языковой общности. И приведенные выше античные сведения о Мойрах вполне коррелирует с индоевропейскими понятиями, связанными с ткачеством. Так, представление о «прядении шерсти» как источнике «богатства» и символе «судьбы» отражается в этимологически соотносимых друг с другом формах индоевропейских диалектов: ср., напр. *др.-исл.* váð «пряжа», «ткань с ткацкого станка», при *др.-исл.* auðna «судьба», «удача» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 583]. Такую связь значений можно объяснить представлением о «прядущей или ткущей богине судьбы», распределяющей «богатство». Характерно, что видный лингвист Юлиус Покорный, указывая об этом, использовал понятия не только «ткань», но и «натяжная сетка» [Pokorny, 1959, S. 76]. Данные индоевропейского сравнительного языкознания показывают также, что большинство слов со значением «ткать» соотносятся со значением «ударять, вонзать, резать». Это объясняет, почему в индоевропейских языках слово «ткать» может означать не только «строить», но и соотноситься с понятием «убитый» [Маковский, 2012, с. 186]. Это проясняет, почему Богини-пряжи оказываются связанными не только с жизнью, но и со смертью. В индоевропейских

языках с древнейших времен значение «плести» соотносится со значением «вода»; речь идет о мифопоэтическом образе тканья, «плетения вод», образе воды как сети: *и.-е.* *(s)ne- или *(s)nei- «переплетать нити, ткать», но *и.-е.* *sna- «течь, сырость»; ср. также *и.-е.* *ǵeid- «крутить, переплетать нити»¹⁶, но *хет.* water «вода» [Маковский, 1996, с. 347]. Это имеет огромное значение, поскольку еще в трипольском орнаменте образ Великой богини связывался с водой, в частности – с дождем, без которого невозможно плодородие [Рыбаков, 1965 №1, с. 39-41, рис. 19]. Понятие «узел» тесно связано с ткачеством. В древности узел считался магическим символом: посредством узла можно было «связать» как добро, здоровье и счастье (т. е. нанести им вред) так и зло, что означало избавление от болезней, страданий [Маковский, 1996, с. 334-335]. Более того, *и.-е.* *nek- «узел» являлся для ранних индоевропейцев символом целостности Вселенной [Киндя, 2015, с. 103], что вполне гармонирует с космическим масштабом Богини-ткачихи. Эти данные следует обязательно учитывать, поскольку греки-колонисты, придя в Северное Причерноморье, вернулись, по сути, на свою индоевропейскую прародину, где полагают соседство греческого и арийского языков (к началу II тысячелетия до н. э. (см. выше). Кроме того, они пришли не на пустое место, в т. ч. в плане идеологии, потому что здесь, как давно показал О.Н.Трубачев, всё еще обитали реликтовые арии, оставшиеся в Приазовье, в Крыму и в низовьях Днепра после масштабных миграций их предков при распаде индоевропейской языковой общности на рубеже III-II тысячелетий до н. э. [Трубачев, 1977].

Богини-ткачихи – достаточно частый образ античной мифологии. Р. В. Кинжалов отметил, что в последующем (после хеттского и минойского) мифологическом и эпическом материале греческие богини, связанные по происхождению с комплексом Богини-матери (Афродита, Гера, Артемида, Кирка, Калипсо, Пенелопа, Арахна, Афина), занимаются прядением и ткачеством [Кинжалов, 1990]. Обратимся к античным источникам. Например, у Афиней (XV, 30, 682 е) читаем об Афродите: «Тело свое облачила в покровы: Хариты и Оры / Их сотворили, украсив цветами внешнего луга» (пер. Н. Т. Голинкевича). Оры (Ὠραί – «времена») богини времён года, ведающие порядком в природе. Они – дочери Зевса и Фемиды (Гесиод. Теогония 902) либо Гелиоса и Селены (Квинт Смирнский. После Гомера X, 337), а также стражи Олимпа, то открывающие, то закрывающие его облачные ворота (их называют привратницами неба) и запрягающие коней Гелиоса (Овидий. Метаморфозы II, 118). Другими словами, Оры – это богини космического масштаба. С другой стороны, обычно Хариты (др.-греч. Χάριτες от χάρις, «изящество, прелесть») – это три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности, соответствующие римским грациям. Однако функция ткачих выводит их на гораздо более высокий уровень, тем более, что они – дочери Зевса и Эвриномы, дочери Океана и Тефиды (Гесиод. Теогония 359, 909). Диодор Сицилийский сообщает (V, 73, 8), что Афина «научила людей... изготовлению одежды... а также многим другим зна-

¹⁶ И.-е. * означает индоевропейский корень слова.

ниям. Изобрела она... вообще множество всяких художественных ремесел, за что её и прозвали Эрганой (Труженицей)¹⁷» (пер. О. П. Цыбенко). Из «Илиады» (XIV, 178-179) узнаем, что Гера «тою душистой оделася ризой, какую Афина / Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров» (пер. Н. И. Гнедича). Диодор Сицилийский (V, 3, 4) приводит следующее: «Миф гласит, что вместе с Корой росли здесь (на Сицилии) удостоившиеся наряду с ней сохранить девственность Афина и Артемида, и все вместе богини собирали цветы и ткали пеплос для своего отца Зевса» (пер. О. П. Цыбенко). Нонн Панополитанский в «Деяниях Диониса» (VI, 145-155) в деталях повествует о том, как Персефона прядет нити, затем приступает к тканью и при этом «первой ткачихе, Афине, хвалебную песнь запекает» (пер. Ю. А. Голубца). При анализе древнейших памятников с изображениями сплетений разного вида четко определяется, что символика их связана с культовым комплексом великой Богини-матери, и эти символы можно истолковать как бегущую с веретена шерстяную нить, моток пряжи; процессы прядения и ткачества, по древним представлениям, имели магическую связь с плодородием и здоровьем, что являлось главными функциями Богини-матери [Кинжалов, 1990]. Глубокое исследование мифологии и символизма всех перечисленных выше богинь невозможно без учета базовой позиции, четко сформулированной замечательным знатоком античного мировоззрения В. И. Ивановым: «Исследование истории женских божеств, под каким бы именем ни таилась Многоименная, под именем Артемиды или Афродиты, или Афины, или Астарты, или Исиды, – наводит нас на следы первоначального фемин-монотеизма, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидности единой богини, и эта богиня – женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют» (Иванов, 1994, с. 332). Как говорит сама Исида у Апулея в «Метаморфозах» (XI, 5): «Вот я... мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшее из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная. Там фригийцы, первенцы человечества, зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут исконные обитатели Аттики – Минервой Кекропической, здесь кипряне, морем омываемые, – Пафийской Венерой, критские стрелки – Дианой Диктиннской, трехязычные сицилийцы – Стигийской Прозерпиной, элевсинцы – Церерой, древней богиней, одни – Юноной, другие – Беллоной, те – Гекатой, эти – Рамнузией, а эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца, арии и богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем – царственной Изидой» (пер. М. Кузмина).

¹⁷ В Пантикапее найдено граффито с посвящением Афине Эргане (рис. 7), что может указывать на почитание её на Боспоре в качестве Богини-ткачихи. Одной из ипостасей Афины Эрганы была Пэнитис (Πηνίτις) – «Ткачиха».

Приступая к рассмотрению граффити античного Северного Причерноморья, имеющих обсуждаемое нами изображение, для единства терминологии предлагаем следующую рабочую классификацию (без какой-либо претензии на её совершенство), положив в её основу термин «сетка»:

1) регулярная сетка (много прямых линий, взаимно пересекающихся, перпендикулярно или под углом, на примерно равном расстоянии друг от друга, и не ограниченных какой-либо геометрической фигурой¹⁸);

2) регулярная сетка малая (вместо термина «решетка», когда количество взаимно пересекающихся линий составляет от 4 до 6 (остальные признаки те же, что и в п. 1);

3) нерегулярная сетка (много прямых и/или не прямых линий, пересекающихся бессистемно, под разными углами);

4) нерегулярная сетка малая (признаки те же, но сетка расположена на небольшой площади);

5) циркулярная сетка (радиальные прямые линии, выходящие из одного центра и пересеченные регулярно или нерегулярно любыми линиями).

Для осмысления таких граффити следует учитывать, прежде всего, что еще в неолите Богине-пряхе приносили в дар кусок ткани, который со временем стал одним из олицетворений богини, её символом [Голан, 1993, с. 171]. Нет оснований полагать, что в античное время такой обычай исчез, поэтому мы считаем возможным расценивать изображение сеток как обозначение, символ подносимого богине куска ткани. При этом мы допускаем, что изображение регулярной сетки символизировало целый, добротный кусок ткани, предназначенный для умиротворения Богини с целью реализации ею какой-либо просьбы с благотворными целями. Напротив, изображение нерегулярно, беспорядочной сетки могло означать скомканную или даже изорванную ткань, что служило уже, по законам симпатической магии, для зловредных действий посредством обращения к Богине, которая могла не только способствовать плодородию и благополучию, но и нанести вред, вплоть до того, что оборвать нить жизни.

Между тем, в рассмотренных нами многих публикациях граффити Ольвии, Херсонеса и Боспора ни один из предлагаемых нами вариантов толкования изображений сетки ни разу не рассматривался. Некоторое исключение может составить только осторожное замечание, высказанное авторами капитального свода граффити хоры Боспора в отношении граффито, найденного при раскопках поселения Артезиан и представляющего собой два рисунка в виде перекрещенных квадратов на стенке красноглиняного сосуда (рис. 8). Уважаемые специалисты в качестве основного толкования указали с сомнением: «схемы земельных участков (?)», но затем

¹⁸ Считается, что перекрещенный квадрат – это символ земли, и даже символ божества земли. При этом символы, представляющие собой квадрат (или ромб), пересеченный как прямым, так и косым крестом, по-видимому, равнозначны. Решетчатый ромб или квадрат представляют собой обозначение земли, расчерченную на возделанные участки» [Голан, 1993, с. 87].

при обсуждении упомянули, что «сетки, лесенки, квадраты могли быть связаны с магическими представлениями о добре и зле. Это, возможно, также обычные учебные упражнения в геометрии», а также «вполне вероятно, что публикуемое граффито, как и ему подобные, означало схематичное изображение покрывала или ковра». Цитируемое нами обсуждение данного граффито завершается так: «Более правильная, однако, трактовка подобных сеточек на ранней керамике из Гордиона во Фригии, предложенная Л. Ролле. Она полагает, что это «неалфавитные метки» владельцев, поставленные после обжига сосудов для обозначения личной собственности (Roller, 1987, p. 10–15, fig. 5, 2A-9, 2A-12; 2A-18; fig. 6. 2A-19–2A-25). Вполне возможно, что аналогичный смысл вкладывали в подобные изображения и на периферии Боспорского царства» [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 30 № 63, с. 257 рис. 68]. На граффити изображение малой регулярной сетки встречается достаточно часто, но их толкование как обозначения земельных участков вызывает сомнения по двум причинам. Первое, нельзя ведь считать обломок посуды или амфоры надежным хранилищем сведений и наличии какого-то земельного участка. Во-вторых, если за пределы квадрата линии выходят за его пределы, то это чрезвычайно неаккуратная схема данного участка, тем более что квадрат в подобных граффити вообще часто отсутствует, а имеется только малая регулярная сетка. Предложение же считать подобные граффити «схематичным изображением покрывала или ковра» в некоторой мере напоминает предлагаемое нами толкование такого граффито как символа подносимого Богине-ткачихе куска ткани, поскольку и покрывала, и ковры – вещи тканые. Но исследователи имели в виду, скорее всего, орнамент этих изделий.

Трудно признать соответствующим распространенным суждениям о «схемах» и «метках» изображение малой сетки на граффито с посвящением Тарге, сохранившемся на небольшом ($3 \times 3,5$ см) фрагменте обломке стенки сосуда и найденном в урочище Джангуль на полуострове Тарханкут [Сапрыкин 2014, с. 21 рис. 26]. Здесь было обнаружено святилище божества, само имя которого ранее не встречалось в источниках, но оно сохранилось здесь в нескольких граффити II в. до н. э. на тонкостенных сосудах и амфорах. Мы полностью поддерживаем суждение С. Ю. Сапрыкина: «Нет сомнения, что в основе почитания местной богини Тарги – Тарки лежал культ Верховной женской богини производительных сил природы и всего сущего, богини, покровительствовавшей всему живому и душам умерших... Поскольку в иранских языках не удалось найти параллели этимологии имени этой богини, есть большая вероятность, что ее культ восходит к пласту доскифских религиозных представлений. Близость характера расположения Джангульского святилища местоположению известных таврских горных святилищ в окрестностях Ялты заставляет связывать богиню с исконным таврским населением Крыма. В этом, как представляется, скрывается причина популярности Тарги среди херсонеситов, которые могли воспринимать ее в отдельных ипостасях так, как они привыкли делать это по отношению к своей верховной богине Деве, Артемиде или Афродите» [Сапрыкин 2014, с. 23]. То есть Тарга – это местный вариант Великой богини, которой, как и всем её перечисленным

здесь греческим ипостасям, присуща функция Пряхи, поэтому посвящение ей сопровождается изображением сетки как символа подносимого Богине-ткачихе куска ткани, её собственного символа.

Еще больше утверждают нас в возможности такого толкования граффити в виде сетки, связанные тем или иным способом с формой конуса. Так, мы поддерживаем толкование граффито на фрагменте горла красноглиняной амфоры боспорского производства II-I вв. до н. э. из Кеп¹⁹, которое предложил И. А. Емец: «внутри конуса, который являлся древнейшим символом Афродиты, прочерчена “сетка”» [Емец, 2012, с. 176 № 779, рис. 779] (рис. 9). Но к сожалению, исследователь не раскрыл суть как самого символа Афродиты, так и наличия в нем сетки. Между тем, Корнелий Тацит, повествуя о храме Афродиты в Пафосе на Кипре, указывает (II, 2 и 4) «...как выглядит изображение богини, нигде не имеющее себе подобных... Идол богини не имеет человеческого облика, а напоминает мету на ристалищах – круглый снизу и постепенно сужающийся кверху» (пер. Г. С. Кнабе). Другими словами, речь идет об олицетворении Афродиты в виде каменного конуса, который вполне можно сравнить с веретеном, имеющим, как показано выше, не только применение в прядении и ткачестве, но и космическое значение в древних верованиях. Важно, что культ Афродиты развился из почитания локальной кипрской богини, следы которого обнаружены в поселении Хирокития – неолитическом поселении на Кипре (недалеко от Ларнаки), существовавшем в VII–IV тысячелетиях до н. э., и датируются шестым тысячелетием до н. э. Таким образом, конус (веретено или ткацкий челнок) действительно играет важнейшую роль в культе Афродиты, особенно в ипостаси Урании [Suhr 1969, p. 101-103]. Эпиклеза «Небесная» подчеркивает космический масштаб образа Афродиты, недаром Павсаний указал (I, 19, 2), что в афинском храме Афродиты была надпись, которая «объясняет, что это Небесная Афродита, старшая из Мойр». И это не удивительно, если вспомнить, что Мойры – дочери Ананке, являющейся, в свою очередь, по одной из версий, дочерью Афродиты Урании. Наиболее отчетливо Афродита Урания представлена в качестве Великой богини всего сущего в одном из орфических гимнов (Orph. h. LV), именуясь в нём, кроме прочего, «владычицей мира» и «Богиней-Матерью», а также «матерью Ананке» «госпожой Мойр». Космический масштаб Ананке и Мойр показан нами выше, и Афродита в орфических верованиях встанет даже над ним. Предметы же конической формы являлись символом Великой богини-ткачихи. Как говорил Прокл в комментариях к Платоновскому «Кратилу» (LVI, 24, 17): «Челнок является изображением различительной силы богов, [той силы, которая различает] целостные и частные [вещи], ведь он отображает ее действие в основной ткани [космоса]». Веретено также имеет важное религиозно-магическое значение, находясь под покровительством женских божеств, причем тех, которые связаны с

¹⁹ В Китейском зольнике обнаружены орудия ткачества, прядения и шитья [Молева 2007]. И. Ю. Шауб обосновал, что, служили вотивами скорее не эллинской Афродите, а местной Великой богине, одну из ипостасей которой варвары видели в Афродите [Шауб, 2018, прим. 9].

комплексом Богини-матери [Кинжалов, 1990]. Например, И.Ю.Шауб убедительно показал, что предмет, найденный в кургане Куль-Оба, несомненно, изначально являясь веретеном, одновременно имел функцию ритуально-магического жезла, а погребенная в этом кургане скифская «царица» была жрицей Великой богини [Шауб, 2018]²⁰.

Если не учитывать всего этого, то при оценке граффито, изображающего сетку, будет сделан очередной, ни о чем не говорящий, вывод о его «магическом содержании», не более того. Так и случилось при публикации трех граффити с сетками, обнаруженные на Южном теменосе Ольвии в углублении № 413, причем в одном комплексе (!) с несколькими посвящениями Афродите, на двух разных фрагментах от дна одной чернолаковой чаши (последняя четверть VI – первая четверть V в. до н. э.), а также граффито на фрагменте стенки амфоры (конец VI – первая четверть V в. до н. э.), удостоились определения от автора их публикации лишь как «граффити магического содержания» [Русяева, 2015, с. 33 №№ 22, 27, рис. 3, 22, 27]. На одной из сторон двух обломков чаши изображены неясные знаки, а на обратной – сетки; на фрагменте стенки амфоры – сплетение параллельных линий (рис. 10, 22, 27), которое можно расценить как вариант нерегулярной сетки. И если учесть коническую форму все этих трех фрагментов керамики с граффити, изображение на них сеток и, главное – находку их в одном комплексе с посвящениями Афродите, трудно отказаться от мысли, что данные граффити также представляют собой обращение к Афродите-ткачихе, ипостаси Великой богини. Нерегулярность изображенных на этих граффити сеток может свидетельствовать о зловедной магии, поскольку Богини-ткачихи, как показано выше, управляли даже смертью.

Поскольку конус является древнейшим символом Афродиты, считаем необходимым обратить внимание также на граффити, сделанных на керамических грузилах, представляющих собой усеченный конус. Изображения на них в виде сетки обнаруживаются в Северном Причерноморье достаточно редко, но имеют, на наш взгляд, особое значение. Дело в том, что достаточно давно В. Ф. Гайдукевич подверг специальному рассмотрению глиняные пирамидальные грузила, найденные на Боспорских поселениях, и пришел к заключению о принадлежности их в основном к ткацкому производству, где они служили гириями для натягивания основы в ткацких станках и применялись в качестве подставок при разматывании нитей с веретен. Некоторые грузила, использованные с культовой целью, были связаны с их основным назначением и должны были обеспечить успех в ткацком производстве²¹ [Гайдукевич, 1952, с. 395-398, 401]. Это заключение получило блестящее подтверждение в ходе архео-

²⁰ Веретена в боспорских могилах и в скифских женских захоронениях встречаются довольно часто (см. с литературой Шауб, 2021).

²¹ В. Ф. Гайдукевич, конечно же, указал и другие сферы применения пирамидальных глиняных грузил: в качестве тяжести для рыбацких сетей, в качестве подставок для посуды при варке пищи. Он допустил также связанность некоторых грузил с культом огня. Но все эти предназначения исследователь полагал далеко не основными [Гайдукевич, 1952, с. 397-398].

логических исследований Илурата, где практически в каждом доме была обнаружена хотя бы одна глиняная пирамидальная подвеска для натягивания нитей основы в ткацком станке. Характерно, что В. Ф. Гайдукевич даже в разделе «Основные выводы» своей капитальной работы об Илурате значительное место уделил решению проблемы этих «грузил», убедительно показав, что они имеют отношение не к рыболовству, а к ткацкому производству. Приведем дословно итог его остроумной и доказательной полемики с оппонентами, которым придется «считать главным занятием населения Илурата рыболовство, а основной контингент илуратцев – рыбаками, ибо, как уже отмечалось, глиняные пирамидки имеются во всех домах. Останется, правда, одно трудно преодолимое препятствие – отсутствие остатков самих рыб в культурных отложениях Илурата, как в самом поселении, так и на зольниках. За шесть лет раскопок остеологические сборы дали всего лишь несколько рыбьих костей. Со своей стороны, полагаем, что Илурат наилучшим образом подтверждает назначение глиняных пирамидок в качестве принадлежности ткацкого ремесла, свидетельствуя о существовании в Илурате в каждой семье домашнего ткацкого производства. Преобладание крупных подвесок говорит об изготовлении преимущественно грубых тканей. Небезынтересно, что в Афинах пирамидальные “грузила” бытовали с VII в. до н. э. по I в. н. э., позднее они исчезают, их потом больше не изготавливали. Значит ли, что после I в. прекратили заниматься рыболовством? Нет, просто пирамидальные “грузила” стали ненужными, т. к. вертикальный ткацкий станок, для которого предназначались эти “грузила”, был вытеснен более совершенным горизонтальным станком. На Боспоре же вертикальный станок, очевидно, продержался до конца античной эпохи» [Гайдукевич, 1958]. Впечатление правоты этого заключения усиливается тем, что сама Н. А. Онайко, с которой и дискутировал В. Ф. Гайдукевич, при публикации фанагорийских грузил указала, что на некоторых из них имеются «изображения, оттиснутые по сырой глине геммами... Таковы оттиски с изображением женщины, стоящей у какого-то предмета, и двух обнаженных фигур, вероятно, Харит» [Онайко, 1956, с. 160, рис 3, 5-6]. Такие изображения вряд ли связаны с рыболовством, а вот с ткачеством – вполне вероятно. Когда археологический контекст позволяет соотнести грузила с конкретным культом, оказывается, что чаще их посвящали женским богжествам, к ведению которых относятся прядение и ткачество [Носова, 2005, с. 203].

Мнение В. Ф. Гайдукевича в части преимущественной принадлежности глиняных пирамидальных грузил к ткачеству поддержала Э. И. Соломоник при публикации ею грузил с надписями, найденных в Херсонесе и хранящихся в Херсонесском музее и Государственном Эрмитаже. Среди них обнаружены грузила с сокращенными именами богинь, связанных с ткачеством. Это надпись АФРОΔΙ на одном из грузил, которая читается как посвящение Афродите. Монограммы ΑΡΤ на одном грузиле и ΑΡ на четырех грузилах могут расцениваться как посвящение Артемиде. К сожалению, данных о конкретном месте Херсонеса и археологическом контексте этих находок (кроме отнесения некоторых из них к эллинистическому времени) не сохранилось. В итоге изучения херсонесских грузил с надписями исследовательница

пришла к очевидности их использования не только в производстве, но и в качестве votивных даров [Соломоник, 1994, с. 142, 144, 147-148, №№ 6-9, 11, 12]. Любопытно, что при раскопках святилища Афродиты в Нимфее, в фависсе среди посвяtitельных предметов IV в. до н. э. найдены три пирамидальных глиняных грузила со следами розовой обмазки [Худяк, 1962, с. 26].

Что касается изображения сеток на грузилах, то его мы видим на стенке terra-cottового грузила первых веков н. э. из Тиритаки [Зинько, Зинько, Пономарев, 2020, с. 120, рис. 117, 2, с. 121, рис. 118]. Н. А. Онайко указывает, что на грузилах Фанагории часто можно видеть геометрический орнамент, особенно в III-IV вв. н. э., который иногда покрывает всю поверхность грузила [Онайко, 1956, с. 160]. К сожалению, исследовательница не привела этих изображений, но возможно, среди них были изображения сетки – символа Великой богини. Тем более, что на Боспоре вертикальные ткацкие станки существовали до конца античной эпохи [Гайдукевич, 1958], т. е. в хронологических рамках, указанных Н. А. Онайко. К этому же периоду относится граффити на заготовке под грузило из мелового известняка, найденное в помещении 6 (слой середины III – первой четверти IV в. н. э.) поселения у с. Белинское. Издатель этого артефакта И. А. Емец указывает, что «все четыре боковые стороны, а также его нижняя грань, испещрены неясными рисунками. Вполне вероятно, что перед нами просто детские рисунки, аналогии которым без труда можно найти и в наши дни» [Емец, 2012, с. 123 № 485, рис. 485]. На наш взгляд, среди этих изображений можно выделить нерегулярную сетку (рис. 11 слева), а также конусовидную нерегулярную сетку (рис. 11 справа), весьма напоминающую сетки на votивах из Ольвии, найденных в комплексе с посвящениями Афродите (см. выше, рис. 10 слева). Они, как и остальные не «детские» рисунки вполне могли быть предназначены для вредоносной магии. Нет сомнений, что требуется специальный подход к изучению изображений сеток именно на грузилах. Примером использования таких votивов служит святилище Деметры в Митилене на Делосе, которое включало в себя пять алтарей для жертвоприношений Деметре и Коре, а позже также Кибеле, великой Матери богов. Среди огромного числа различных посвящений богиням были найдены много грузил, в том числе и миниатюрных для ткацких станков. Важным наблюдением является предположение обусловленности выбора такого votива его формой (пирамида, конус) [Носова, 2005, с. 203].

В связи с этим следует обратить внимание на изображения сетки, нанесенные на предметы, имеющие форму, напоминающие конус или пирамиду. Это, например, граффито, представляющее собой почти регулярную сетку (рис. 12), на внешней стороне фрагмента крышки краснофигурной леканы из Аттики (V–IV вв. до н. э.) размером $9,6 \times 4,5$ см, обнаруженное при раскопках Нимфея [Намойлик, 2017, с. 207 № 16, рис. 2, 16]. Его любопытно сравнить с подобным граффито (рис. 13) на фрагменте мраморной облицовочной плитки размером 93×55 мм, найденной в слое второй четверти IV – первой половины V в. н. э. на поселении у с. Белинское [Емец, 2012, с. 123 № 484, рис. 484]. Как форма и размеры обоих артефактов, так и сами изображения

сеток удивительно схожи, несмотря на многовековую разницу в их изготовлении. Видимо, это обусловлено тем, что они представляют собой вотивы Богини-ткачихе, которой могла быть любая из почитаемых в соответствующее время на Боспоре богинь, вероятно, с целью благотворной магии, о чем может свидетельствовать регулярность изображенных на этих вотивах сеток.

Возможно, что подобные изображения имели более широкое назначение, чем защитная функция, которую констатирует А. С. Намойлик относительно граффити в виде «решеток» или «сеток» [Намойлик, 2017, с. 203]. Впечатляет изображение регулярной сетки, нанесенной, видимо, с той же целью на горле частично сохранившейся гераклеийской амфоры эллинистического времени из Неаполя Скифского. Весьма примечательно, что на тулове данной амфоры, прямо под изображением сетки нанесен символ плодородия в виде перечеркнутого косым крестом прямоугольника [Зайцев, Пуздровский, 1994, рис. 3, 1/]. Вся эта символика и форма самой амфоры, напоминающая женскую фигуру, приводит к мысли об обращении здесь с помощью соответствующих знаков на амфоре к Богине-матери с благотворными целями.

Мы не согласны с утверждением А. С. Намойлик, о том, что к «апотропеическим граффити относятся различные комбинации из пересекающихся и параллельных линий, по своему виду напоминающие знаки или рисунки либо представляющие собой хаотические перекрестия» [Намойлик, 2017, с. 203]. Такие нерегулярные сетки видятся смысловой противоположностью регулярных сеток, защитную функцию которых постулировала уважаемая исследовательница (см. выше). Так, процесс зловредной магии могут отражать два изображения нерегулярной сетки на фрагментах плеч амфор, найденных при раскопках Нимфея на участке М в слое IV–III вв. до н. э. [Намойлик, 2018 II, с. 200, №№ G102, G103, рис. II.62]. Примечательно, что оба фрагмента амфор имеют форму, приближенную к конусу (рис. 14). Изображение нерегулярной сетки нанесено также на остракон трапецевидной формы, аккуратно вырезанный из стенки серолощенного сосуда, размером 5,10 × 3,50 см, найденный на западной окраине Ольвии (участок «Некрополь 4», углубленная структура 30; вторая половина V – начало IV в. до н. э.) [Русяева и др., 2021, с. 97, № 25, рис. 3, 25]. Из находок в Нимфее интерес в контексте нашего исследования вызывают также два граффити, обнаруженные в святилище Деметры. Это изображение конусовидной нерегулярной сетки на фрагмент дна аттического чернолакового килика середины V в. до н. э. [Намойлик, 2018 II, с. 115, № B80, рис. II.45], что может быть вотивом Богине-ткачихе с целью зловредной магии (рис. 15, 1). Изображение же петли на фрагменте чернолакового аттического канфара последней четверти IV в. до н. э. [Намойлик, 2018 II, с. 114, № B78, рис. II.45] может иметь двоякое назначение, если это изображение магического узла (рис. 15, 2). Напомним, что в древности узел считался магическим символом; при этом посредством узла можно было «связать» как добро, здоровье и счастье (т. е. нанести им вред) так и зло, что означало избавление от болезней, страданий [Маковский, 1996, с. 334–335].

Особую группу составляют граффити, где нерегулярная сетка как бы зачеркивает

буквы, расположенные в неопределенном порядке или вообще плохо различимые греческие буквы или их фрагменты. Например, это граффити на трех фрагментах поддона чернолаковой чаши первой половины V в. до н. э., найденных в Ольвии, в помещении № 243 северо-восточного района Нижнего города [Русяева, 2010, с. 173 № 37, табл. 61, 2]; граффито неправильно сетки зачеркивающей несколько букв на фрагменте чернолаковой тарелки середины IV в. до н. э. из раскопок Карантинной бухты Херсонеса [Соломоник, 1978, с. 133-134, № 1747 табл. XXXI]; два граффити из Нимфея: на дне аттической чернолаковой чаши на кольцевом поддоне (V–IV вв. до н. э.) [Намойлик, 2018 II, с. 137, № C18, рис. II.49] и на фрагментированной аттической чернолаковой чашечке (V в. до н. э.) [Намойлик, 2018 II, с. 137, № C17, рис. II.49]. К этой же группе следует отнести граффити в виде перекрещивающихся линий и нечитаемого набора букв, найденные при исследовании археологических комплексов VI–V вв. до н. э. Тиритаки [Русяева, 2014, с. 487-490]. А. С. Намойлик допускает возможность, что в таких случаях «перед нами еще один образчик вредоносной магии» [Намойлик, 2017, с. 201]. На наш взгляд, все подобные граффити представляют, обращение к какой-то из Богинь-ткачих с целью зловредной магии в отношении конкретного лица или нескольких лиц.

Изображение радиальных сеток на граффити достаточно редки. Их примером может служить граффито на фрагменте подставки аттического чернолакового килика (1-я половина V в. до н. э.) [Намойлик, 2018 II, с. 138, № C19, рис. II.49]. Оно может быть сравнимо с граффити с хоры Херсонеса (Балка Бермана) на донце сероглиняного сосуда: на внешней стороне которого – в форме расходящихся от центра лучей и окружности, на внутренней – в форме сетки из пересекающихся линий. Автор публикации считает, что «все особенности этого граффито позволяют отнести его к группе магических» [Соломоник, 1984, с. 33, 96, табл. II № 43]. Мы присоединяемся к мнению уважаемой исследовательницы, считая возможным добавить, что такие граффити, видимо, также служили подношением Богине-ткачихе – ипостаси Великой богини.

Использование изображения сетки – универсального символа Великой богини в любом её проявлении давало возможность совершить подношение или обращение к ней неграмотным представителем местного населения²². Последнее весьма существенно, поскольку заметная часть ариев осталась в Северном Причерноморье после миграции их основной массы отсюда на рубеже III-II тысячелетий до н. э. в процессе распада индоевропейской языковой общности. Их потомки (тавры, дандарии, синды и меоты) составили основу варварского населения, современного грекам колонистам, на территории Приазовья, Крыма и низовий Днепра, где затем постепенно появились близкородственные иранцы (скифы, сарматы) [Трубачев, 1977]. Мало того,

²² Если дедикант был грамотным греком (а грамотность среди колонистов была достаточно высокой), то, скорее всего, он использовал при обращении к богине письменные формулировки или их сокращения, что подтверждают многочисленные находки подобных граффити.

что греки, например, на Боспоре всегда жили буквально в окружении «варваров», но в период расцвета Боспорского царства многие их племена вошли в его состав. С.Р.Тохтасьев, изучая титулы царей в боспорских надписях, показал, что в титулатуру Левкона I (389/388 – 349/348 гг. до н. э.) вошел список из синдов, торетов, дандариев и псессов, у Перисада I (348–310 гг. до н. э.) названы синды, «все меоты», фатей и досхи, а во времена Аспурга (7/8 – 37/38 гг. н. э.) в перечень покоренных Боспором «варваров» входили синды, меоты, тореты, псессы, тарпиты и танаиты. [Тохтасьев, 2017, с. 159, табл. 1]. О существовании в Северном Причерноморье культа Великой богини может свидетельствовать одинаковая структура верований, связанных с важнейшими женскими персонажами причерноморской мифологии (гилейской змеедевой, боспорской Афродитой Апатурой и херсонесской Девой), а также обосновал предположение, что все персонажи мифа об Афродите Апатуре скрывают за греческими именами свою исконную местную основу. Афродита – это Великая богиня синдо-меотских племен [Шауб, 1999, с. 216-218]. Владычица – местная богиня, покровительница природы и всего сущего, была аналогична Великим богиням других народов, в т. ч. эллинским Афродите, Артемиде, Деметре, Коре-Персефоне. И в результате взаимодействий между ними в Боспорском царстве в течение III-II вв. до н. э. сложился синкретический культ Верховной богини с чертами Кибелы, малоазийской Кубабы, Артемиды, Афродиты и Гестии [Сапрыкин, 2009, с. 321-322]. В Скифии костяные веретена как в «царских», так и в рядовых женских могилах встречаются довольно часто. Погребенная в Куль-Обе скифская «царица» была жрицей Великой богини, главной ипостасью которой на Боспоре была Афродита Урания, владычица святилища с негреческим названием Апатур [Шауб, 2018; 2021]. На сосуде из Куль-Обы (равно как и на подобных скифских «кубках», где фигурирует плексис) Великая богиня – прародительница скифов выступает в виде своего символа – плетёнки [Шауб, 2021], которая, по сути, является той же самой сеткой, символика изображений которой рассматривается в данной работе.

Таким образом, есть немало доводов считать изображение сетки на граффити не только универсальным символом ткани, посвящаемой Великой богине-ткачихе (либо в одной из её ипостасей, либо без персонификации, как архетипическому образу), но и олицетворением самой Богини. Вероятно, такие граффити выполнялись для обращения к ней с различными просьбами – благотворными, в т. ч. о защите или вредоносными, учитывая противоположные стороны образа Великой богини, животворящую или смертоносную. Это делалось, очевидно, в расчете изменить судьбу, свою или другого человека, которую плела (ткала) Великая богиня. Делать изображения сетки на вотивах могли как греки, так и соседствующие с ними «варвары», поскольку основа верований в Великую богиню у всех них была весьма похожа. Значение могла иметь также форма вотива и/или рисунка, напоминающая предметы, относящиеся к ткачеству (веретено, челнок, грузило). Граффити с изображением сетки (решетки, плетенки) заслуживают большего внимания, чем им уделялось до настоящего времени. Изучение подобных граффити с учетом деталей археологического контекста их

находок может привести к заключениям гораздо более существенным, чем простая, ни к чему не обязывающей констатация об их магическом назначении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 252 с.
- Бурдо Н. Б. Історія дослідження проблеми походження Тріпілья-Кукутені у світлі нових даних // Археологія. 2003. № 4. С. 5-18.
- Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. В кн. Боспорские города, I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 395-414 (МИА СССР № 25).
- Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. В кн. Боспорские города, II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 9-148 (МИА СССР № 85).
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкции и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1426 с.
- Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы / Пер. с англ. М.: РОС-СПЭН, 2006. 572 с.
- Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 54-64.
- Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
- Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 334 с.
- Емец И. А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: Типология и методика исследования. М.: Спутник, 2005. 242 с.
- Емец И. А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.: Спутник+, 2012. 477 с., ил.
- Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Киев: Изд-во АН УССР, 1953. 663 с.
- Зайцев Ю.П., Пуздровский А. Е. Неаполь Скифский в эпоху диофантовых войн. В кн. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С.217-237.
- Захарова Е. Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж: ЦКЧИ, 2000. 163 с.
- Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. 704 с.
- Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 344 с.
- Кинжалов Р. В. Символика «плексиса» в мифе, обряде, изобразительном искусстве древности и в современном фольклоре. В кн. Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры / Отв. ред. Б.Н. Путилов Л.: Наука. 1990. С. 82–88.
- Клёсов А. А. Миграции ариев по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2016. №2. С. 127-156.
- Клёсов А. А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК–генеалогия, археология и лингвистика. Часть 1 // Вестник Академии ДНК–генеалогии. 2016. Т. 9. №1. С. 2-29.
- Клёсов А. А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК–генеалогия, археоло-

- гия и лингвистика. Часть 2 // Вестник Академии ДНК–генеалогии. 2016. Т. 9. № 2. С. 187-240.
- Корневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность. М.: Наука, 2004. 243 с.
- Корневский С. Н. О понятиях «цивилизация, протоцивилизация» и знаках на керамике в культурах Подунавья, Кавказа и Переднего Востока в V–III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 230. 2013. С. 63-84.
- Маковский М. М. Краткий этимологический словарь-тезаурус индоевропейских языков. Изд-е 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 200 с.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
- Молева Н. В. Орудия ткачества, прядения и шитья как votivные подношения в Китейском святилище // Из истории античного общества. К 60-летию проф. Е. А. Молева / Ред. А. В. Махлаюк. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 80–85.
- Намойлик А. С. Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа) Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1. СПб., 2018. 224 с.
- Намойлик А. С. Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 2 (приложения). СПб., 2018. 310 с.
- Намойлик А. С. Магические граффити из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // Археологические вести. Вып. 23. 2017. С. 198-210.
- Носова Л. В. Греческие культы на западной окраине ольвийского полиса // БФ. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 201-216.
- Обнорский Н. П. Мойры // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. XIXа. СПб., 1896. С. 612.
- Онайко Н. А. О фанагорийских грузилах. В кн. Фанагория. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 154–160 (МИА СССР № 57).
- Порфирий. О пещере нимф. В кн. Тахо-Годи А. А, Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетей, 1999. С. 577–591.
- Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. Изд-е 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. 332 с.
- Пустовалов С. Ж. К вопросу о наличии знаковой системы у населения катакомбной общности Северного Причерноморья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): материалы Международной конференции. Ч. 1. Донецк, 1996. С. 44-46.
- Русяева А. С. Граффити из южного теменоса в Ольвии // ВДИ. 2015. № 2. С. 22-40.
- Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010. 288 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 8).
- Русяева А. С. Каталог граффити Тиритаки // Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI-V вв. до н. э. Киев: АДЕФ, 2014. С. 481-512.
- Русяева А. С., Кузміщев О. Г., Форнасьє Й. Графіті з західної околиці Ольвії Понтійської // Археологія і давня історія України. 2021. Вип. 3 (40). С. 89-103.
- Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // ВДИ. 1965. № 1. С. 24-47.
- Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // ВДИ. 1965. № 2. С. 13-33.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 640 с.

- Сапрыкин С. Ю. Памятники малой эпиграфики Северо-Западного Крыма античной эпохи // История и археология Северо-Западного Крыма. Материалы к археологической карте Крыма. Выпуск XIV / Ред. В. А. Кутайсов и Т. Н. Смекалова. Симферополь: Феникс, 2014. С. 7–32.
- Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Триумф принт, 2009. 425 с.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Киев: АДЕФ-Украина, 2007. 320 с. (Боспорские исследования. Supplementum 1).
- Соломоник Э. И. (отв. ред.). Граффити античного Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1978. 140 с., табл.
- Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 144 с.
- Соломоник Э. И. Херсонесские глиняные грузила с надписями. В кн. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С. 138–158.
- Тахо-Годи А. А. Художественно-символический смысл трактата Порфирия «О пещере нимф». В кн. Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетейя, 1999. С. 557–576.
- Топоров В. Н. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика. Предварительные материалы Первого симпозиума по балканскому языкознанию. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1972. С. 24–38.
- Тохтасьев С. Р. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // Scripta antiqua: вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 6. 2017. С. 137–279.
- Тоцев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во ЗНУ, 2007. 304 с.
- Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13–29.
- Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. В кн. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 381–649.
- Хлопачев Г. А., Грибченко Ю. Н., Кулькова М. Н., Сапелко Т. В. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи 1: новые данные о возрасте и времени существования // Stratum plus. 2017. № 1. С. 41–57.
- Худяк М. М. Из истории Нимфея VI–III веков до н.э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 63 с.
- Шайб И. Ю. Культ великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–223.
- Шайб И. Ю. О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба // Записки Института истории материальной культуры РАН. Вып. 19. 2018. С. 103–111.
- Шайб И. Ю. Плетеный орнамент на электроном сосуде из Куль-Обы, Великая богиня и скифские прорицатели-энареи // Новый Гермес. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2021. Вып. XIII, 1 / Глав. ред. И. Ю. Шайб. С. 67–78.
- Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история / Пер. с нем. Изд-е 2-е. М. Едиториал УРСС, 2003. 496 с.
- Деретић Ј. И., Антић Д. П. Српско писмо – дар човечанству. Београд: Ганеша клуб, 2014. 110с.
- Ehrlhof H. Keilschrifturkunden aus Boğazköi. Heft XXIX. Texte verschiedenen Inhalts. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 1938. 60 S.

- Haak W., Brandt G., de Jong H. et al.* Ancient DNA, Strontium isotopes and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. In: Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2008. Vol. 105. Pp. 18226-18231.
- Henning von der H. Osten.* The Snake Symbol and the Hittite Twist // American Journal of Archaeology. 1926. Vol. 30. No. 4. P. 405–417.
- Klyosov A. A., Mironova E. A.* A DNA Genealogy Solution to the Puzzle of Ancient Look-Alike Ceramics Across the World // Advances in Anthropology. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 164-172.
- Klyosov A. A., Rozhanskii I. L.* Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the Legendary Aryans as Witnessed by the DNA of Their Current Descendants // Anthropology. 2012. V. 2. No. 1. Pp. 1-13.
- Klyosov A. A., Tomezzoli G.* DNA Genealogy and Linguistics. Ancient Europe // Anthropology. 2013. Vol. 3. No. 2. Pp. 101-111.
- Peshich R.* The Vincha script. And other papers in grammatology. Beograd: Pešić i sinovi, 2008. 121 p.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd.1. Bern, Munchen: A. Francke, 1959. 1183 S.
- Suhr E. G.* The Spinning Aphrodite. The Evolution of the Goddess from Early Pre-Hellenic Symbolism through Late Classical Times. New York: Helios Books, 1969. 218 p.

REFERENCES

- Ardzinba V. G.* Ritualy i mify Drevnej Anatolii. Moscow, Nauka Publ., 1982, 252 p.
- Burdo N. B.* Istoriya doslidzhennya problemi pohodzhennya Tripillya-Kukuteni u svitli novih danih. Arheologiya. 2003, no. 4, pp. 5-18.
- Деретућ Ј. И., Антућ Д. П.* Српско писмо – дар човечанству. Београд: Ганеша клуб, 2014. 110 с.
- Efimenko P. P.* Pervobytnoe obshchestvo. Ocherki po istorii paleoliticheskogo vremeni. Kiev, 1953, 663 p.
- Ehelhof H.* Keilschrifturkunden aus Boğazköi. Heft XXIX. Texte verschiedenen Inhalts. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 1938. 60 S.
- Emec I. A.* Graffiti i dipinti iz antichnyh gorodov i poselenij Bospora Kimmerijskogo: Tipologiya i metodika issledovaniya. Moscow, Sputnik Publ., 2005, 242 p.
- Emec I. A.* Graffiti i dipinti iz antichnyh gorodov i poselenij Severnogo Prichernomor'ya (podgotovitel'nye materialy k Korpusu). Moscow, Sputnik+ Publ., 2012, 477 p.
- Gajdukevich V. F.* K voprosu o tkackom remesle v bosporskih poseleniyah. In: Bosporskie goroda, I. Itogi arheologicheskikh issledovanij Tiritaki i Mirmekiya v 1935-1940 gg. Moscow, Leningrad, 1952, pp. 395-414.
- Gajdukevich V. F.* Ilurat. Itogi arheologicheskikh issledovanij 1948–1953 gg. V kn. Bosporskie goroda, II. Moscow, Leningrad, 1958, pp. 9-148
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs.* Indoevropskij yazyk i indoevropejcy. Rekonstrukcii i istoriko-tipologicheskij analiz prayazyka i protokul'tury. Tbilisi, 1984, 1426 p.
- Gimbutas M.* Civilizaciya Velikoj Bogini: mir Drevnej Evropy. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 572 p.
- Gindin L. A.* Prostranstvenno-hronologicheskie aspekty indoevropskoj problemy i «Karta predpolagaemyh prarodin shesti nostraticheskikh yazykov» V. M. Illich-Svitycha. Voprosy yazykoznanija. 1992, no. 6, pp. 54-64.

- Golan A. Mif i simvol. Moscow, Russlit Publ., 1993, 375 p.
- Goran V. P. Drevnegrecheskaya mifologema sud'by. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 334 p.
- Haak W., Brandt G., de Jong H. et al. Ancient DNA, Strontium isotopes and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. In: Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2008. Vol. 105. Pp. 18226-18231.
- Henning von der H. Osten. The Snake Symbol and the Hittite Twist // American Journal of Archaeology. 1926. Vol. 30. No. 4. P. 405–417.
- Hlopachev G. A., Gribchenko Yu. N., Kul'kova M. N., Sapelko T. V. Pozdnepaleoliticheskaya stoyanka Eliseevichi 1: novye dannye o vozraste i vremeni sushchestvovaniya. Stratum plus, 2017, no. 1, pp. 41-57.
- Hudyak M. M. Iz istorii Nimfeya VI–III vekov do n.e. Leningrad, Ermitazh, 1962, 63 p.
- Ivanov V. I. Dionis i pradiionisijstvo. Sankt-Petersburg, Aletejya Publ., 1994, 344 p.
- Kinzhalov R. V. Simvolika «pleksisa» v mife, obryade, izobrazitel'nom iskusstve drevnosti i v sovremennom fol'klоре. In: Fol'klор i etnografiya. Problemy rekonstrukcii faktov tradicionnoj kul'tury / Otв. red. B.N. Putilov. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 82–88.
- Klyosov A. A. Migracii ariev po dannym DNK-genealogii. Istoricheskij format. 2016, no. 2, pp.127-156.
- Klyosov A. A. Migracii ariev ot 6000 do 3000 let nazad – kak ih vidit DNK–genealogiya, arheologiya i lingvistika. Chast' 1. Vestnik Akademii DNK–genealogii. 2016, T. 9, no. 1, pp. 2-29.
- Klyosov A. A. Migracii ariev ot 6000 do 3000 let nazad – kak ih vidit DNK–genealogiya, arheologiya i lingvistika. Chast' 2. Vestnik Akademii DNK–genealogii. 2016, T. 9, no. 2, pp. 187-240.
- Klyosov A. A., Mironova E. A. A DNA Genealogy Solution to the Puzzle of Ancient Look-Alike Ceramics Across the World // Advances in Anthropology. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 164-172.
- Klyosov A. A., Rozhanskii I. L. Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the Legendary Aryans as Witnessed by the DNA of Their Current Descendants // Anthropology. 2012. V. 2. No. 1. Pp. 1-13.
- Klyosov A. A., Tomezzoli G. DNA Genealogy and Linguistics. Ancient Europe // Anthropology. 2013. Vol. 3. No. 2. Pp. 101-111.
- Korenevskij S. N. Drevnejshie zemledel'cy i skotovody Predkavkaz'ya: Majkopsko-novosvobodnenskaya obshchnost'. Moscow, Nauka Publ., 2004, 243 p.
- Korenevskij S. N. O ponyatiyah «civilizaciya, protocivilizaciya» i znakah na keramike v kul'turah Podunav'ya, Kavkaza i Perednego Vostoka v V–III tys. do n. e. Kratkie soobshcheniya instituta arheologii Issue 230, 2013, pp. 63-84.
- Makovskij M. M. Kratkij etimologicheskij slovar'-tezaurus indoevropskikh yazykov. Izd-e 3-e. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012, 200 p.
- Makovskij M. M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropskikh yazykah: Obraz mira i mir obrazov. Moscow, VLADOS Publ., 1996, 416 p.
- Moleva N. V. Orudiya tkachestva, pryadeniya i shit'ya kak votivnye podnosheniya v Kitejskom svyatilishche. Iz istorii antichnogo obshchestva. K 60-letiyu prof. E. A. Moleva. Ed. A.V.Mahlayuk. Nizhnij Novgorod, 2007, issue 9–10, pp. 80–85.
- Namojlik A. S. Graffiti na keramicheskikh izdeliyah iz Nimfeya kak istochnik po istorii bosporskogo goroda (po materialam iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha) Diss. ... kand. ist. nauk. T.1. Sankt-Petersburg, 2018, 224 p.
- Namojlik A. S. Graffiti na keramicheskikh izdeliyah iz Nimfeya kak istochnik po istorii bosporskogo

- goroda (po materialam iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha). Diss. ... kand. ist. nauk. T. 2 (prilozheniya). Sankt-Petersburg, 2018, 310 p.
- Namojlik A. S.* Magicheskie graffiti iz raskopok Nimfeya v kollekcii Gosudarstvennogo Ermitazha. *Arheologicheskie vesti*. Issue 23, 2017, pp. 198-210.
- Nosova L. V.* Grecheskie kul'ty na zapadnoj okraine ol'vijskogo polisa. Bosporskij fenomen. Problema sootnosheniya pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov. Sankt-Petersburg, 2005, pp. 201-216.
- Obnorskij N. P.* Mojry. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. V 86 t. (82 t. i 4 dop.). T. XIXa. Sankt-Petersburg, 1896, p. 612.
- Onajko N. A.* O fanagorijskikh gruzilah. V kn. Fanagoriya. Moscow, 1956, pp. 154–160.
- Peshich R.* The Vincha script. And other papers in grammatology. Beograd: Pešić i sinovi, 2008. 121 p.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd.1. Bern, Munchen: A. Francke, 1959. 1183 S.
- Porfirij.* O peshchere nimf. In: Taho-Godi A. A, Losev A. F. Grecheskaya kul'tura v mifah, simbolah i terminah. Sankt-Petersburg, Aletejya Publ., 1999, pp. 577–591.
- Porcig V.* Chlenenie indoevropskoj yazykovoj oblasti. Izd-e 2-e, ispravl. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003, 332 p.
- Pustovalov S. Zh.* K voprosu o nalichii znakovoj sistemy u naseleniya katakombnoj obshchnosti Severnogo Prichernomor'ya. Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evrazijskikh drevnostej (eneolit-bronzovyj vek): materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Ch. 1. Doneck, 1996, pp. 44-46.
- Rusyaeva A. S.* Graffiti iz yuzhnogo temenosa v Ol'vii. Vestnik drevnej istorii 2015, no. 2, pp. 22-40.
- Rusyaeva A. S.* Graffiti Ol'vii Pontijskoj. Simferopol', 2010, 288 p.
- Rusyaeva A. S.* Katalog graffiti Tiritaki. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom II. Arheologicheskie komplekсы VI-V vv. do n. e. Kiev: ADEF Publ., 2014, pp. 481-512.
- Rusyaeva A. S., Kuzmishchev O. G., Fornas'e J.* Grafiti z zahidnoï okolici Ol'vii Pontijs'koï // Arheologiya i davnya istoriya Ukraïni. 2021. Issue 3 (40), pp. 89-103.
- Rybakov B. A.* Kosmogoniya i mifologiya zemledel'cev eneolita. Vestnik drevnej istorii. 1965, no.1, pp. 24-47.
- Rybakov B. A.* Kosmogoniya i mifologiya zemledel'cev eneolita. Vestnik drevnej istorii. 1965, no.2, pp. 13-33.
- Rybakov B. A.* Yazychestvo drevnih slavyan. 2-e izd. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2014, 640 p.
- Saprykin S. Yu.* Pamyatniki maloj epigrafiki Severo-Zapadnogo Kryma antichnoj epohi. Istoriya i arheologiya Severo-Zapadnogo Kryma. Materialy k arheologicheskoy karte Kryma. Vypusk XIV. Eds. V. A. Kutajsov, T. N. Smekalova. Simferopol', Feniks Publ., 2014, pp. 7–32.
- Saprykin S. Yu.* Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni. Moscow, Tula, Triumf print Publ., 2009, 425 p.
- Saprykin S. Yu., Maslennikov A. A.* Graffiti i dipinti hory antichnogo Bospora. Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2007, 320 p.
- Shaub I. Yu.* Kul't velikoj bogini u mestnogo naseleniya Severnogo Prichernomor'ya. Stratum plus. 1999, no. 3, pp. 207-223.
- Shaub I. Yu.* O ritual'noj funkcii veretena iz pogrebeniya «caricy» v kurgane Kul'-Oba. Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury RAN. Issue 19, 2018, pp. 103-111.

- Shaub I. Yu.* Pletenyj ornament na elektrovom sosude iz Kul'-Oby, Velikaya boginya i skifskie proricateli-enarei. *Novyj Germes. Vestnik klassicheskoy arheologii, antikovedeniya i medievistiki.* 2021. Issue XIII, 1. Ed. I. Yu. Shaub. Pp. 67-78.
- Shrader O.* Sravnitel'noe yazykovedenie i pervobytnaya istoriya. Izd-e 2-e. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003, 496 p.
- Solomonik E. I.* (Ed.). Graffiti antichnogo Hersonesa. Kiev, Naukova dumka Publ., 1978. 140 p.
- Solomonik E. I.* Graffiti s hory Hersonesa. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 144 p.
- Solomonik E. I.* Hersenesskie glinyanye gruzila s nadpisyami. In: Severo-Zapadnyj Krym v antichnuju epohu. Kiev, Kievskaya Akademiya Evrobiznesa, 1994, pp. 138-158.
- Suhr E. G.* The Spinning Aphrodite. The Evolution of the Goddess from Early Pre-Hellenic Symbolism through Late Classical Times. New York: Helios Books, 1969. 218 p.
- Taho-Godi A. A.* Hudozhestvenno-simvolicheskij smysl traktata Porfiriya «O peshchere nimf». In: Taho-Godi A. A., Losev A. F. Grecheskaya kul'tura v mifah, simvolah i terminah. Sankt-Petersburg, Aletejya Publ, 1999, pp. 557-576.
- Toporov V. N.* K drevnim balkano-baltijskim svyazyam v oblasti yazyka i kul'tury. Antichnaya balkanistika. Predvaritel'nye materialy Pervogo simpoziuma po balkanskomu yazykoznaniiyu. Moscow, 1972, pp. 24-38.
- Tohtas'ev S. R.* Varvarskie plemena, sosedi grecheskih gorodov Bospora. Scripta antiqua: voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury. T. 6, 2017, pp. 137-279.
- Toshchev G. N.* Krym v epohu bronzy. Zaporozh'e, 2007, 304 p.
- Trubachev O. N.* Lingvisticheskaya periferiya drevnejshego slavyanstva. Indoarijcy v Severnom Prichernomor'e. Voprosy yazykoznaniiya. 1977, no. 6, pp. 13-29.
- Trubachev O. N.* Nazvaniya rek Pravoberezhnoj Ukrainy: Slovoobrazovanie. Etimologiya. Etnicheskaya interpretaciya. In: Trubachev O. N. Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura. T. 4. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 2009, pp. 381-649.
- Zajcev Yu. P., Puzdrovskij A. E.* Neapol' Skifskij v epohu diofantovyh vojn. In: Severo-Zapadnyj Krym v antichnuju epohu. Kiev, 1994, pp. 217-237.
- Zaharova E. Yu.* Sosudy so znakami srubnoj obshchnosti epohi pozdnej bronzy. Voronezh, 2000, 163 p.
- Zin'ko V. N., Zin'ko A. V., Ponomarev L. Yu.* Tiritaka. Raskop XXVI. Tom III. Arheologicheskie komplekсы второй половины III–VII vv. Simferopol', Kerch', 2020, 704 p.

Резюме

Исследование семантики изображений сетки на граффити показывает её специальное значение. Сетка являлась как универсальным символом ткани, посвящаемой Великой богине-ткачихе, так и символом самой Богини. Вероятно, такие граффити выполнялись для обращения к ней с различными просьбами – благотворными, в т. ч. о защите или вредоносными, учитывая противоположные стороны образа Великой богини, животворящую или смертоносную. Делать изображения сетки на вотивах могли как греки, так и соседствующие с ними «варвары» (реликтовые арии, скифы и сарматы), поскольку основа верований в Великую богиню у всех них была весьма похожа. Значение могла иметь также форма вотива и/или рисунка, напоминающая предметы, относящиеся к ткачеству (веретено, челнок, грузило).

Ключевые слова: граффити, сетка, Северное Причерноморье, Великая богиня, ткачество, реликтовые арии, скифы, Афродита, Артемида.

Summary

A study of the semantics of grid images in graffiti shows its special significance. The net was both a universal symbol of the fabric dedicated to the Great goddess-weaver, and a symbol of the Goddess herself. Probably, such graffiti was made to appeal to her with various requests – beneficial, including for protection or harmful, given the opposite sides of the image of the Great Goddess, giving life or deadly. Both the Greeks and the neighboring «barbarians» (relict Aryans, Scythians and Sarmatians) could make grid images on votives, since the basis of beliefs in the Great Goddess was very similar for all of them. The shape of the votive and/or pattern, resembling objects related to weaving (spindle, shuttle, sinker), could also be important.

Key words: graffiti, grid, Northern Black Sea Region, Great goddess, weaving, relict Aryans, Scythians, Aphrodite, Artemis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор,
Федеральное бюджетное государственное
образовательное учреждение высшего
образования (ФБГОУ ВО) «Ижевский
государственный технический
университет имени М.Т. Калашникова».
426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.
lazvgr@yandex.ru
+7(912)853-06-67.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazarenko Vladimir G., Professor,
Federal state-financed educational institution
of higher education “Izhevsk’ state technical
University named after M. T. Kalashnikov”.
426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.
lazvgr@yandex.ru
+ 7(912)853-06-67.

Рис. 1. Пластина с сетчатым орнаментом со стоянки Елисеевичи 1 (масштаб не соблюден). Из археологического фонда (МАЭ № 5298-2850) Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Рис. 2. Женская статуэтка из кости со стоянки Елисеевичи 1 (масштаб не соблюден). Из археологического фонда (МАЭ № 5298-2848) Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

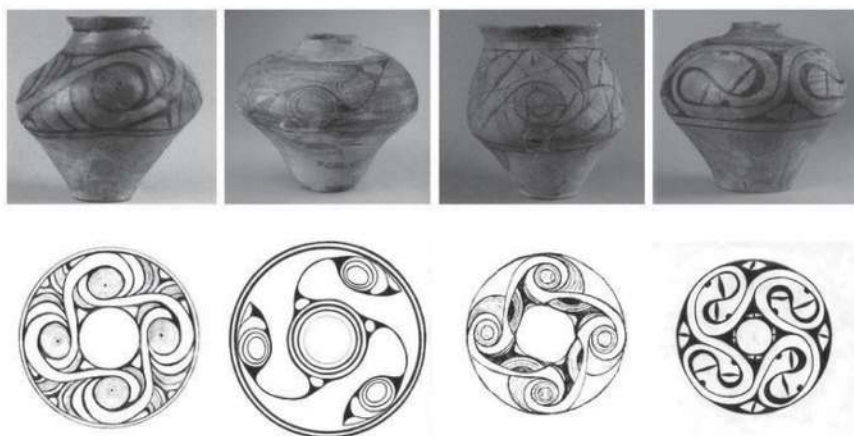

Рис. 3. Спиральный орнамент трипольских сосудов.

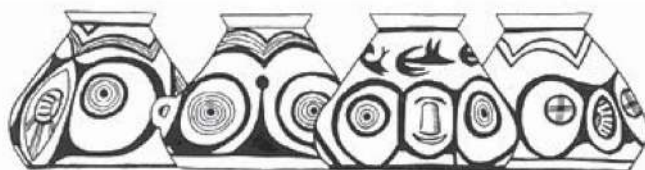

Рис. 4. Лики Великой богини на трипольских сосудах [Рыбаков, 1965, № 2, рис. 31].

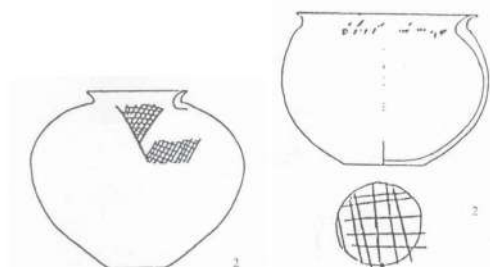

Рис. 5. Изображение сетки на керамике Майкопско-свободненской общности [Корневский, 2004, рис. 58, 2; 72, 2].

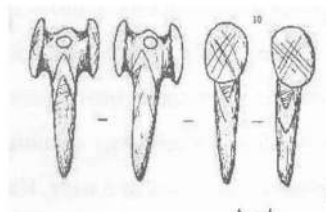

Рис. 6. Изображение сетки на костяной булавке из катакомбного слоя поселения Планерское I в Крыму [Тощев, 2007, с. 110, рис. 57, 13].

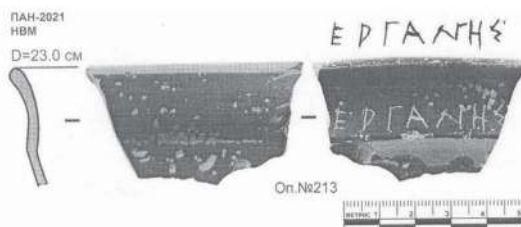

Рис. 7. Посвящение Афине Эргане из Пантикапея [Шелов-Коведяев, 2023, рис. 1. Фотография В. П. Толстикова].

Рис. 8. Граффито на стенке красноглиняного сосуда с поселка Артезиан [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 30 № 63, с. 257 рис. 68].

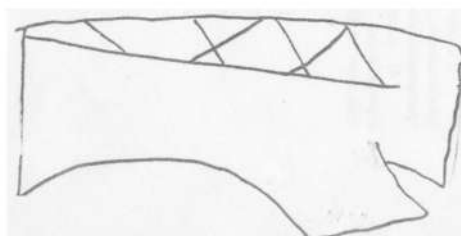

Рис. 9. Граффито на фрагменте горла красноглиняной амфоры боспорского производства II-I вв. до н. э. из Кеп [Емец, 2012, с.176 № 779, рис. 779].

Рис. 10. Граффити с Южного теменоса Ольвии [Русяева, 2015, с. 33 №№ 22, 27, рис. 3, 22, 27].

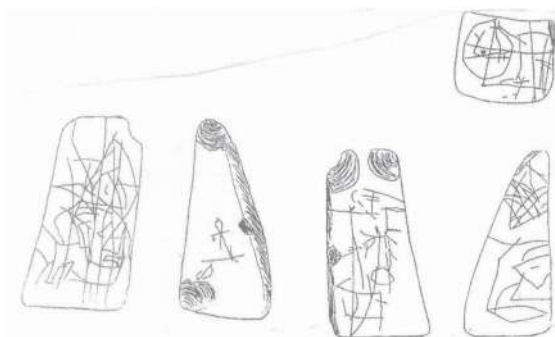

Рис. 11. Граффити на заготовке для грузила из поселения у с. Белинское [Емец, 2012, с. 123 № 485, рис. 485].

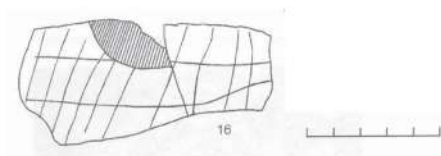

Рис. 12. Граффито из Нимфея [Намойлик, 2017, с. 207 № 16, рис. 2, 16].

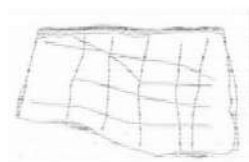

Рис. 13. Граффито с поселения у с. Белинское [Емец, 2012, с. 123 № 484, рис. 484].

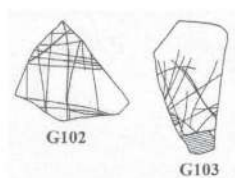

Рис. 14. Граффити на конусовидных вотивах из Нимфея [Намойлик, 2018 II, с. 200, №№ G102, G103, рис. II.62].

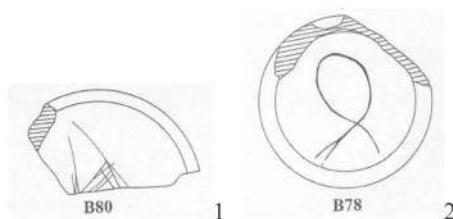

Рис. 15. Граффити из святилища Деметры в Нимфее [Намойлик, 2018 II, с. 115, №№ B80 и B78, рис. II.45]